



# Слуга многих господ – Шарль Морис Талейран

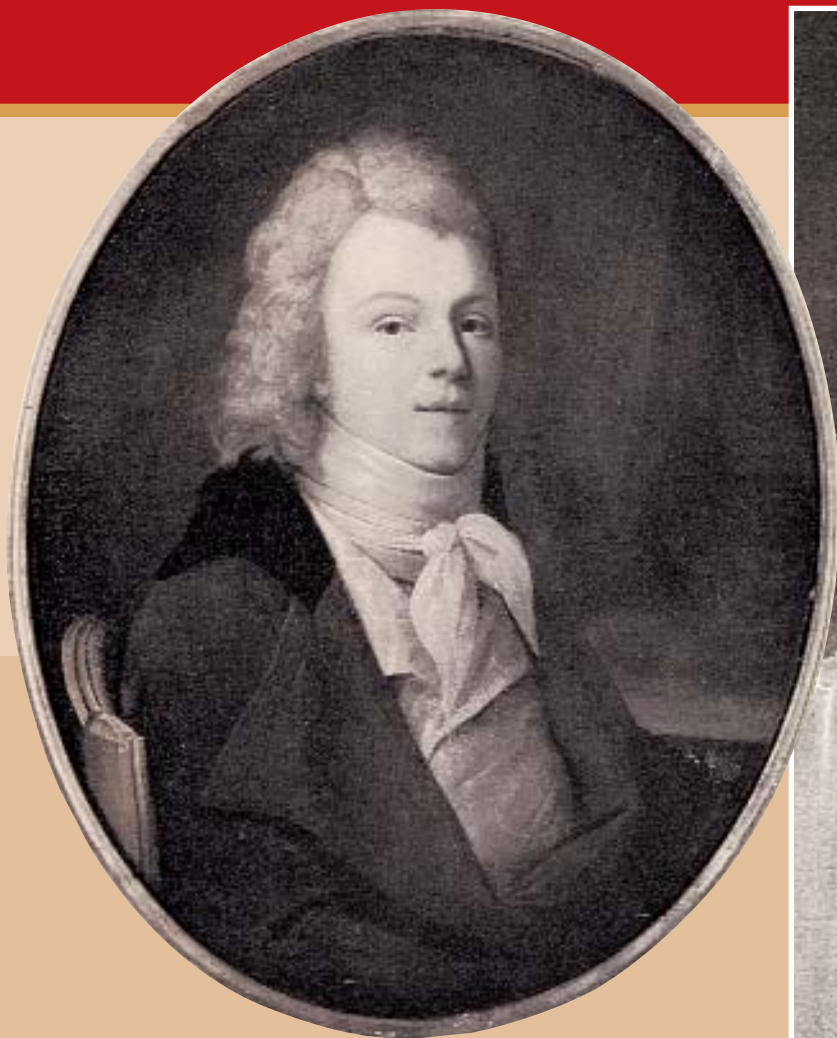
## Часть I

Дмитрий Боровков,  
историк-архивист

**Я** «...Я никогда его не видел даже на портрете. Бронзовое лицо, мраморная доска, на которой железными буквами написана необходимость. Я никогда не мог понять, почему люди всех времен так не понимали этого человека! Что они порицали его, это хорошо, но слабо; добродетельно, но неразумно; эти порицания делают честь человечеству, но не людям. Талейрана упрекали за то, что он последовательно предавал все партии, все правительства. Это правда: он от Людовика XVI перешел к Республике, от нее – к Директории, от последней –

к Консульству, от Консульства – к Наполеону, от него – к Бурбонам, от них – к Орлеанам, и, может быть, до своей смерти от Луи-Филиппа снова перейдет к Республике. Но он вовсе не предавал их всех: он только покидал их, когда они умирали. Он сидел у одра болезни каждого времени, каждого правительства, всегда щупал их пульс и прежде всех замечал, когда их сердце прекращало свое биение. Тогда он спешил от покойника к наследнику, другие же продолжали еще короткое время служить трупу. Разве это измена?» – таким вопро-

«...Он сидел у одра болезни каждого времени, каждого правительства, всегда щупал их пульс и прежде всех замечал, когда их сердце прекращало свое биение. Тогда он спешил от покойника к наследнику, другие же продолжали еще короткое время служить трупу. Разве это измена?»



Портрет Шарля Мориса Талейрана в возрасте 16 лет. Неизвестный французский художник XVIII в. Частное собрание.



Портрет Виткуар Александрины Элеоноры Дамá д'Антиньи, графини Талейран-Перигор. Фрагмент. Неизвестный французский художник. Около 1809 г. Замок Валансе.

сом в 1831 г. задавался немецкий публицист Карл Людвиг Берне, пытаясь охарактеризовать противоречивую деятельность одного из крупнейших дипломатов своего времени – Шарля Мориса Талейрана-Перигора.

Шарль Морис Талейран родился 2 февраля 1754 г. в Париже в древней аристократической семье – его отец Шарль Даниэль носил несколько феодальных титулов, но был не богат, поэтому он, как его жена Александрина Дамá-Антиньи и его мать, был поглощен службой при королевском дворе. До четырехлетнего возраста Шарль Морис находился на воспитании в семье

кормилицы, где с ним произошел несчастный случай: однажды он упал с комода и повредил ногу, однако кормилица не обратила на эту травму внимания и когда через несколько месяцев родители приехали забрать сына от кормилицы, оказалось, что конечность деформировалась, а травма негативно отразилась даже на здоровой ноге; оставшись хромым на всю жизнь, он был вынужден при ходьбе опираться на трость и носить специальные ортопедические сапоги. В мемуарах Талейран вспоминал: «Случай этот оказал влияние на всю мою жизнь. Благодаря ему мои родители, считая, что я не могу сделаться военным

без ущерба для своей карьеры, решили подготовить меня к другой деятельности. Дело в том, что в знатных семьях любили гораздо больше род, чем отдельных лиц, особенно молодых, которые были еще неизвестны» – пояснял Талейран своим читателям, добавляя: «Мне неприятно останавливаться на этой мысли... я оставляю ее». Однако он все-таки еще вернется к этому, больному для него вопросу, и напишет: «...мое воспитание было в некоторой степени предоставлено случаю; это происходило не от равнодушия, но от того направления ума, которое позволяет думать, что прежде всего надо поступать и быть как все».



Портрет Шарля Даниэля, графа Талейрана-Перигора. Фрагмент. Неизвестный французский художник. Начало XIX в. Замок Валансе.

Внизу:

Здание бывшего Епископского дворца в Отене. Фотография конца XIX в.

Когда через несколько месяцев родители приехали забрать сына от кормилицы, оказалось, что конечность деформировалась, а травма негативно отразилась даже на здоровой ноге; оставшись хромым на всю жизнь, Шарль Морис был вынужден при ходьбе опираться на трость и носить специальные ортопедические сапоги.

вы провинциальной аристократии, предваряя это описание замечанием: *«Несколько дворян древнего происхождения создавали моей бабушке своего рода двор, который не имел ничего общего с вассальной зависимостью XIII века, но где почтительные нравы сочетались с самыми возвышенными чувствами...»* и заканчивая его признанием: *«В Шале я научился всему, что знали там люди хорошего воспитания; это сводилось к умению читать, писать и немного говорить на перигорском диалекте»*. Вооруженного этими знаниями Талейрана родители вызвали в Париж и поместили в одно из старейших учебных заведений Франции – Коллеж Гаркура, основанный

в конце XIII в., где в то время воспитывался один из его родственников. Талейран пишет: *«Я был поражен тем, что меня так внезапно отдали в коллеж, не привезя предварительно к отцу и к матери»*. В период обучения в Коллеже Гаркура его общение с семьей сводилось к тому, что раз в неделю в сопровождении своего наставника, аббата Гарди, ходил обедать в дом своего отца: *«По выходе из-за стола мы возвращались в коллеж, выслушивая регулярно одни и те же слова: «Будьте послушны, мой сын, чтобы господин аббат был вами доволен» – вспоминал Талейран. В двенадцать лет он заболел оспой и был вынужден на некоторое время по-*

Таким образом, Талейран оправдывал недостаток внимания к его воспитанию ссылкой на своеобразие «духа времени». Самые теплые воспоминания детства он сохранил о своей прабабке Марии Франсуазе Рошешуар (в мемуарах Талейран называет ее *«госпожа Шале»* – по названию принадлежавшего ей замка, где он провел несколько лет), которая приходилась внучкой Жану Батисту Кольберу – министру «Короля-Солнце» Людовика XIV. В замке Шале Талейран впервые прикоснулся к феодальному миру, который через три десятилетия станет именоваться миром *«Старого порядка»*, и достаточно подробно описал нра-



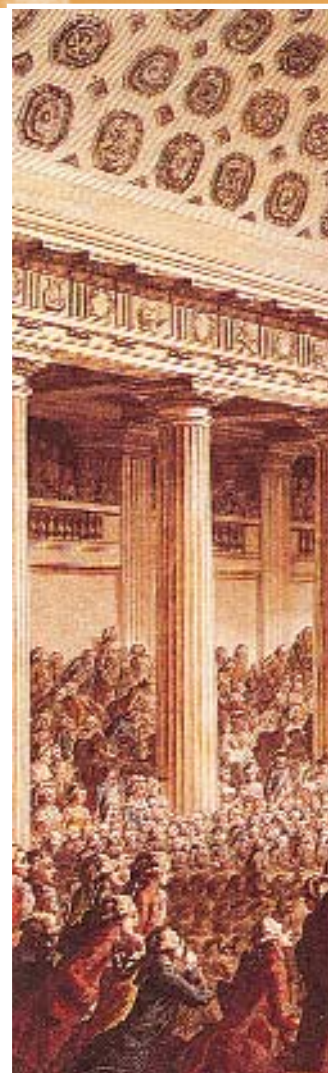


Дефицит  
(август 1788 года).  
Английская  
карикатура XVIII в.  
Национальная  
библиотека,  
Париж.

кинуть Коллеж, его отдали под присмотр наемной сиделки. *«Малый интерес, проявленный к моей болезни, поступление в коллеж без свидания с родителями и некоторые другие печальные воспоминания оскорбляли мое сердце»* – признавался Талейран в своих воспоминаниях и, смешивая эмоции с ретроспективными оценками, продолжал: *«Я чувствовал себя одиноким, без поддержки, всегда предоставленным самому себе; я не жалею об этом, так как считаю, что самоуглубление ускорило развитие моих способностей к размышлению. Огорчениям своего раннего детства я обязан тем, что стал их рано развивать и усвоил привычку размышлять более глубоко, чем если бы был вполне счастлив. Возможно также, что вследствие этого я научился довольно равнодушно переносить тяжелые времена, сосредоточиваясь на своих внутренних силах, в обладании которыми я был уверен».*

По окончании коллежа семья предназначила Талейрану церковную карьеру – тем более что один из братьев его отца Александр-Анжелик являлся заместителем и официальным преемником престарелого архиепископа Реймского, кардинала Шарля Антуана де ла Рош-Аймона, и должен был возглавить самую авторитетную во Франции епархию, находясь во главе которой мог бы обеспечить племяннику протекцию. По словам Талейрана, чтобы соблазнить его перспективой церковной карьеры ему давали читать то воспоминания кардинала

Реца, то жизнеописания кардинала Ришелье, испанского кардинала Хименеса или реймского архиепископа Гинкмара. В конце концов, 16-летний юноша был вынужден поступить в семинарию святого Сульпиция, находясь в которой он практически ни с кем не общался, проводя время за чтением книг. *«Библиотека семинарии св. Сульпиция, обогащенная кардиналом Флери, была обширна и хорошо составлена. Я проводил там дни за чтением великих историков, жизнеописаний государственных людей, моралистов, некоторых поэтов. Я проглатывал путешествия. Новые земли, опасности, бури, изображение какого-нибудь бедствия, описания стран со следами великих перемен, иногда переворотов – все это обладало для меня большой привлекательностью – признавался Талейран. – Порой при размышлении над этими большими переменами, этими великими потрясениями, описание которых наполняет произведения современных мореплавателей, мне казалось, что мое положение не столь неоправдано... Так как я был очень одинок, очень молчалив, всегда с глазу на глаз с автором той книги, которую я держал в руках, и так как я мог судить о нем лишь силами собственного рассудка, то почти всегда я считал, что прав я. Вследствие этого мои взгляды были действительно моими: книги меня просветили, но не поработили. Я отнюдь не сужу, хорошо ли это или плохо, но только говорю,*



По словам Талейрана, чтобы соблазнить его перспективой церковной карьеры ему давали читать то воспоминания кардинала Реца, то жизнеописания кардинала Ришелье, испанского кардинала Хименеса или реймского архиепископа Гинкмара. В конце концов, 16-летний юноша был вынужден поступить в семинарию святого Сульпиция.

*каким я был...Беспокойная и неопределенная надежда, подобная всем страстям молодости, одушевляла мой дух. Он никогда не знал покоя».*

Честолюбивый юноша стремился отнюдь не к церковной, а к светской карьере и иногда спрашивал себя: *«Зачем учиться в семинарии, если хочешь быть министром финан-*

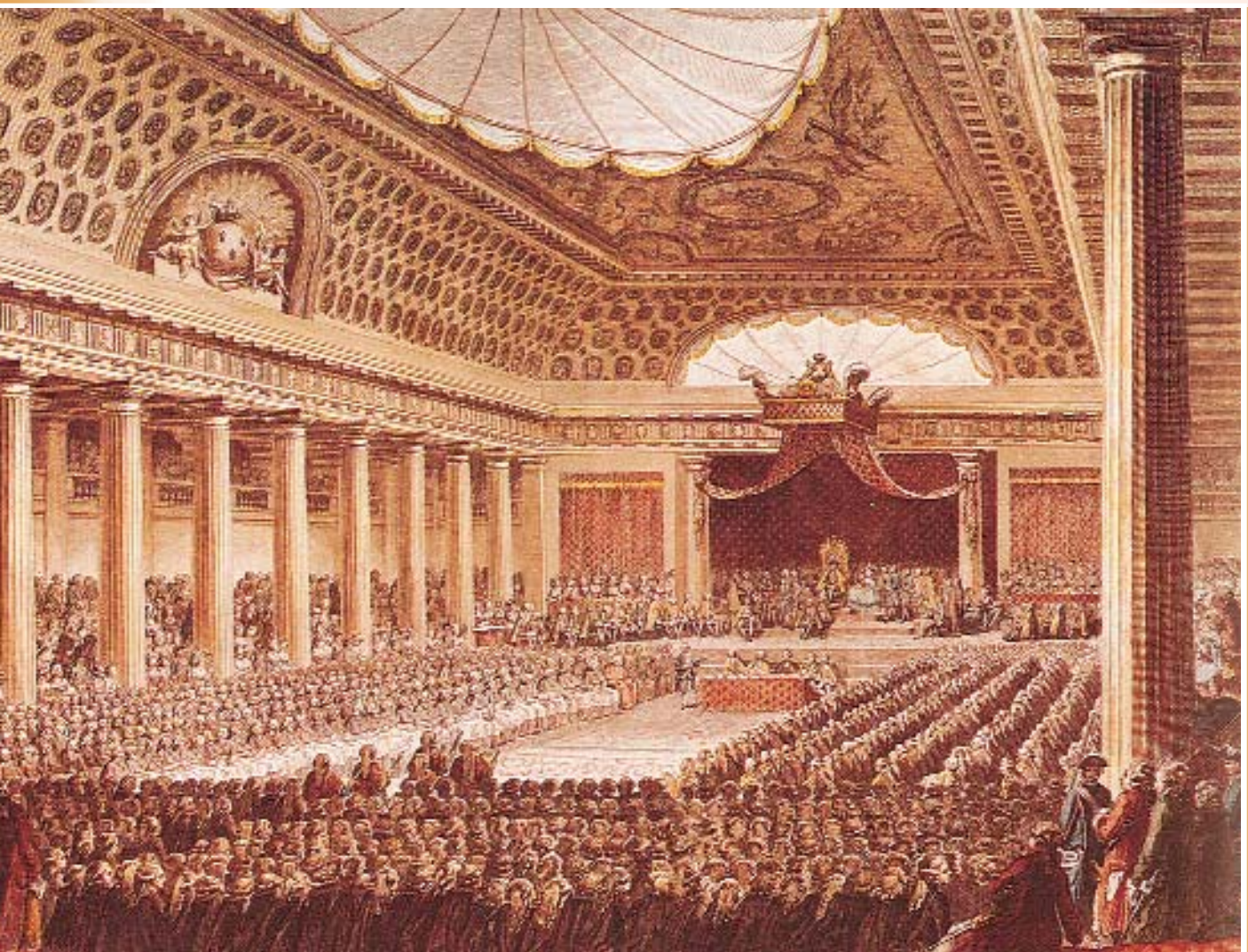
*сов?»* Эта фраза раскрывает масштаб его амбиций. Должность министра или, говоря точнее, генерального контролера финансов, была весьма важной в административном аппарате «Старого режима» и могла служить источником личного обогащения, но Талейран не мог не знать, что при плачевном состоя-

#### Внизу:

Открытие Генеральных штатов. Гравюра И.-С. Элмана по рисунку Ш. Монне. Национальная библиотека, Париж.

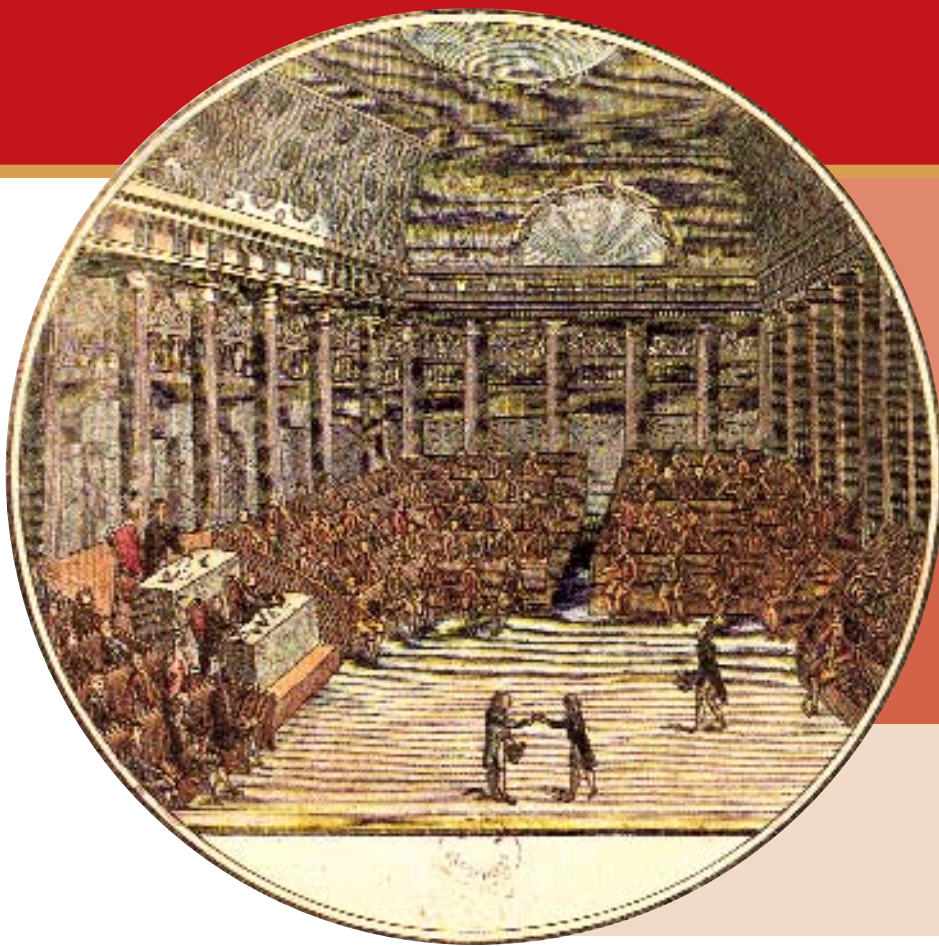
нии финансов в последние десятилетия она была сопряжена для ее обладателя не только с личными выгодами, но и с колоссальными затруднениями. Он так и не займет места генерального контролера при «Старом режиме», но трижды будет занимать не менее важный и ответственный пост при четырех его правопреемниках, который, благодаря правильно рассчитанным действиям, превратит его в мультимиллионера...

По окончании семинарии Талейран был назначен в 1775 г. представителем Реймской епархии на Генеральной ассамблее духовенства, по завершении которой был направлен на обучение в Сорбонну.



Депутаты коммюны провозглашают образование Национального собрания. Цветная гравюра XVIII в. Музей Карнавале, Париж.

Талейран вспоминал: «Я провел здесь два года, занятый отнюдь не теологией, так как у молодого бакалавра развлечения отнимали очень много времени». После окончания Сорбонны в 1778 г. он был назначен аббатом реймского монастыря Сен-Дени, а через два года все же сумел воплотить в жизнь свою мечту, хотя и в ограниченном масштабе, став генеральным агентом (казначеем) галликанской церкви при королевском правительстве. На этом посту Талейран столь энергично отстаивал церковные права и привилегии, что на генеральной ассамблее духовенства в 1785 г. получил за свои труды вознаграждение в сумме тридцати одной тысячи ливров; помимо этого он изыскивал различные источники увеличения дохода, не брезговал спекуляциями и взятками, потому как вел вполне светский образ жизни – был страстным игроком, пользовался успехом у женщин. В 1783 г. аббат Талейран познакомился с замужней графиней Аделаидой де Флао, от которой у него



родился сын – этот ребенок, известный в анналах истории под именем Шарля Жозефа де Флао (1785-1870 гг.) сделал блестящую карьеру – при Первой империи он стал графом, генералом и адъютантом Наполеона I; при Реставрации – членом палаты пэров; при Июльской монархии – послом в Берлине и Вене; при Второй империи – послом в Лондоне и великим канцлером ордена Почетного легиона.

Образ жизни Талейрана долгое время препятствовал его посвящению в епископский сан; только вмешательство отца помогло ему получить Отенское епископство, куда он был назначен в ноябре 1788 г. Епархия могла приносить Талейрану более пятидесяти тысяч ливров годового дохода, однако в ней он не задержался – в апреле 1789 г. Талейран был избран депутатом Генераль-

ных штатов от отенского духовенства и отправился в Париж. К тому времени финансовое положение Франции являлось критическим, она оказалась перед угрозой банкротства, а поскольку согласовать меры по выходу из этого положения с привилегированными сословиями на так называемом собрании нотаблей (1787 г.) не удалось, король Людовик XVI был вынужден созвать сословный парламент, в полном составе не собиравшийся 175 лет, в котором наряду с представителями духовенства и дворянства должны были присутствовать представители «третьего сословия» – буржуазии. По настоянию генерального контролера финансов Жака Неккера количество депутатов от «третьего сословия» было увеличено вдвое, поэтому именно они стали задавать тон в Генеральных



Шарль Морис Талейран-Перигор, бывший епископ Отена, депутат Национального собрания. Гравюра Ж.-Б. Верите. Около 1792 г. Национальная библиотека, Париж.

Образ жизни Талейрана долгое время препятствовал его посвящению в епископский сан; только вмешательство отца помогло ему получить Отенское епископство, куда он был назначен в ноябре 1788 г. Епархия могла приносить Талейрану более пятидесяти тысяч ливров годового дохода, однако в ней он не задержался – в апреле 1789 г. Талейран был избран депутатом Генеральных штатов от отенского духовенства и отправился в Париж.

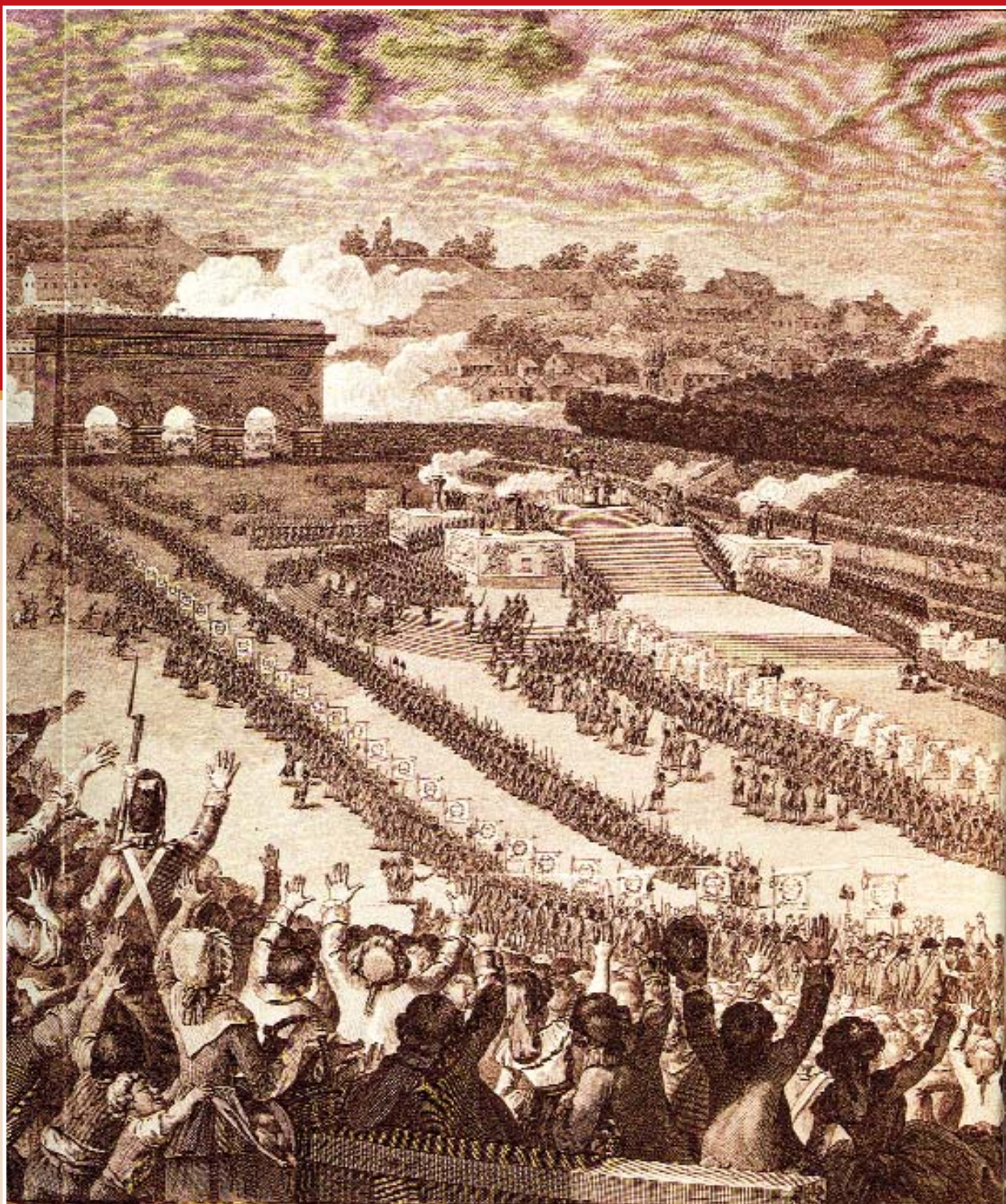
штатах, открывшихся в Версале 4 мая 1789 г., и уже через полтора месяца вступили в открытое противостояние с исполнительной властью, провозгласив себя Национальным собранием (несколько позже оно

переименовало себя в Учредительное собрание и принялось за разработку конституции). Талейран, в отличие от своего дяди Александра-Анжелика, ставшего к тому времени архиепископом Реймским и высту-

Соединенными усилиями три сословия выковывают конституцию 1791 года. Раскрашенная гравюра XVIII в. Музей Карнавале, Париж.



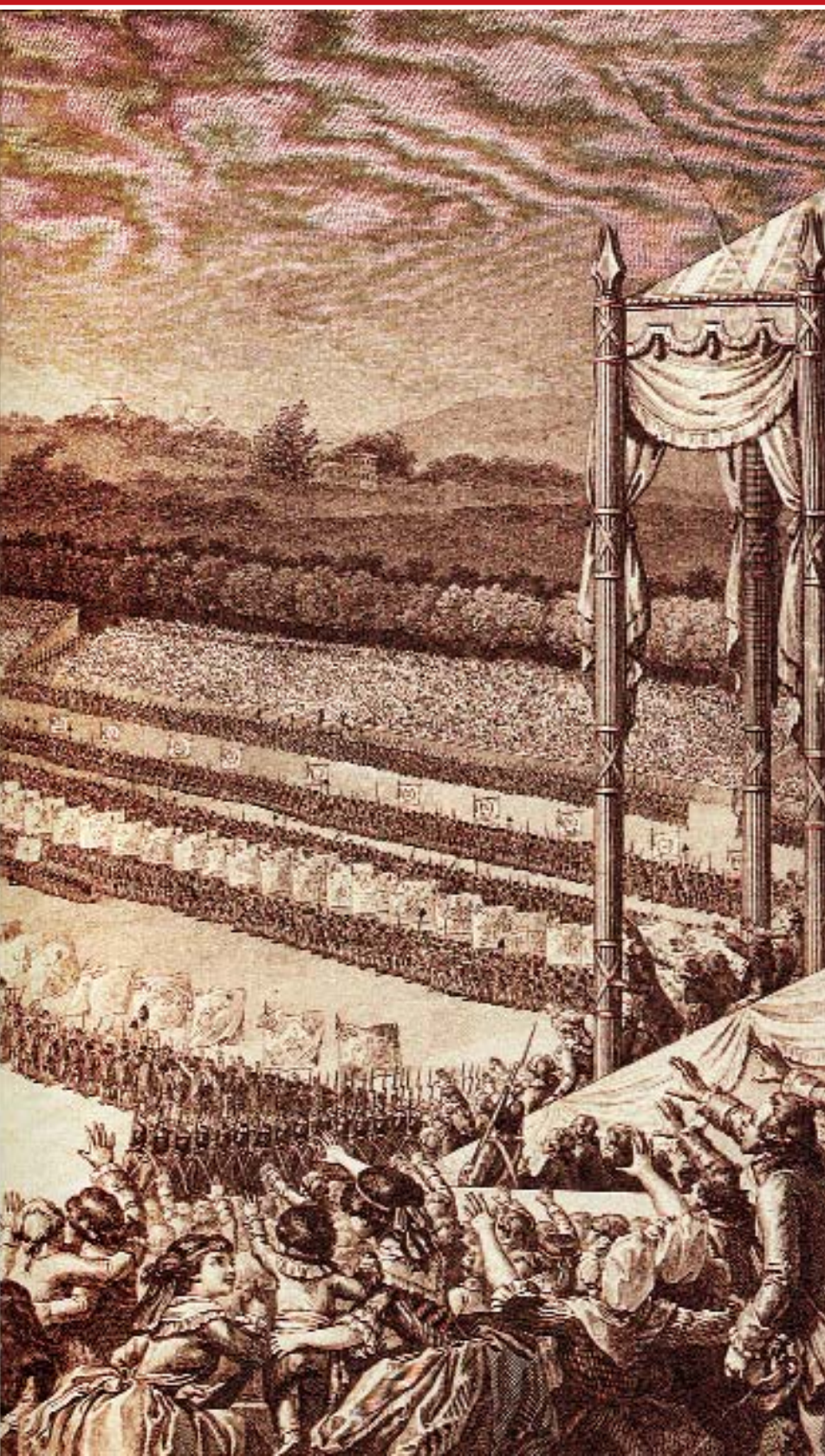




павшим в Генеральных штатах против реформ, напротив, считал, что необходимо пойти на уступки «третьему сословию», с тем, чтобы королевское правительство могло выиграть время и сохранить контроль

над ситуацией. Хотя двор пытался заручиться поддержкой Талейрана, в начавшейся политической игре он отверг сделанные ему выгодные предложения и сделал ставку на «третье сословие», считая его требо-

вания вполне закономерными. Талейран принял участие в составлении «Декларации прав человека и гражданина», а через несколько дней после того как местопребывание королевского двора по требованию



Праздник федерации.\*  
Гравюра И.-С. Элмана по рисунку  
Ш. Монне.  
Национальная библиотека, Париж.

\* Идея федерации – объединения между собой всех коммун, всех провинций и всего французского народа в результате революции – получила большое распространение во Франции в 1789-1790 гг. В ряде провинций состоялись праздники Федерации. Учредительное собрание 9 июня 1790 г. приняло решение о проведении в Париже 14 июля, в годовщину революции, общенационального праздника федерации. Для участия в этом празднике в столицу приглашались депутаты от национальной гвардии. Каждое подразделение национальной гвардии должно было избрать по 6 депутатов на 100 человек. Эти депутаты собирались в центре своего округа и избирали по 1 делегату на каждые 200 человек (и 400 в более отдаленных районах). В Париж съехались несколько тысяч депутатов и представителей от армии и флота.

«Под струями дождя шествие двигалось к алтарю отечества. Триумфальная арка открывала дорогу на Марсово поле. Собралось несметное множество народу, но не было ни экипажей, ни лошадей, ни людей с тростями и шпагами. Посредине Марсова поля возвышался, как божий холм, алтарь отечества. В крытой части амфитеатра был воздвигнут трон короля; позади стояла королева с сыном. Справа сидел председатель Национального собрания; перед ним, в открытом амфитеатре, справа и слева, почтенные народные представители, мужи священной свободы, – сцена, возвышеннее и трогательнее которой не могла бы вообразить самая пылкая фантазия. Перед королем возвышался алтарь отечества, и по всему пути к нему выстроилась с обеих сторон парижская национальная гвардия. Бесчисленные группы музыкантов, исполнявших то воинственную, то нежную музыку, расположились на сооруженных для них помостах и сопровождали ликование этого дня. В тысячах надписей и эмблем новые франки выказывали свое остроумие, высокий дух и пылкую любовь к отечеству. Близ алтаря стояли представители национальной гвардии вместе с добровольцами, а рядом с ними – посевшие на службе родине воины. В отдалении возвышались скамьи амфитеатра, на которых помещалось более шестисот тысяч зрителей. Епископ Отена служил мессу. Небо все еще было покрыто тучами, и лил дождь. Но отбуше-

вали металлические жерла грома, и небо опять приветливо улыбалось этой величественной сцене. На ступенях алтаря стояли священники, все в белых облачениях, опоясанные национальными лентами. Прочли слова клятвы, и мириады людей, «буре подобно ревущей, вздымающей грозные волны», закричали: «Клянись, клянись!»»

(К.-Ф.-Д. Шубарт, «Праздник свободных», 1790 г.)



**Слева:**

Лафайет принимает присягу на празднике федерации. Неизвестный художник XVIII в. Музей Карнавале, Париж.

*14 июля 1790 года на Марсовом поле епископ Отенский (Талейран) отслужил торжественную мессу, а маркиз Лафайет произнес клятву верности нации, закону и королю от имени национальной гвардии. На этой картине XVIII в. Ш.-М. Талейран в епископском облачении изображен в правом нижнем углу.*

**Внизу:**

Способ заставить епископов и священников принести присягу в присутствии членов муниципалитетов в соответствии с декретом Национального собрания. Раскрашенная гравюра XVIII в. Национальная библиотека, Париж.

восставшего парижского населения было перенесено из Версаля в Тюильри, он внес в Учредительное собрание предложение о национализации церковных земель (10 октября 1789 г.) и инициировал принятие соответствующего закона. Этот шаг означал полный разрыв с интересами столь несимпатичного ему «первого сословия», которые он сам отстаивал в последнее десяти-

летие «Старого режима». Талейран еще более углубил этот разрыв, выступив с предложением превратить день взятия Бастилии в национальный праздник – в первую годовщину этого события (14 июля 1790 г.) «епископ революции» отслужил торжественную мессу на Марсовом поле, а вечером того же дня посетил два игорных дома и два раза «сорвал банк». Слухи о том, что

прелат берет взятки и играет, просачивались в прессу и обсуждались на страницах газет, однако услуги, оказанные Талейраном революционному делу (как полагают – не без личной выгоды) сделали его очень популярным и на первых порах скрашивали негативные черты его личности. Талейран развернул в Учредительном собрании кипучую деятельность: он предло-



*Moyen de faire prêter serment aux Evêques et Curés aristocrates, en présence des Municipalités suivant le décret de l'Assemblée Nationale.*

*à Paris chez M. Simon, N° d'Estampes, rue de la Harpe.*

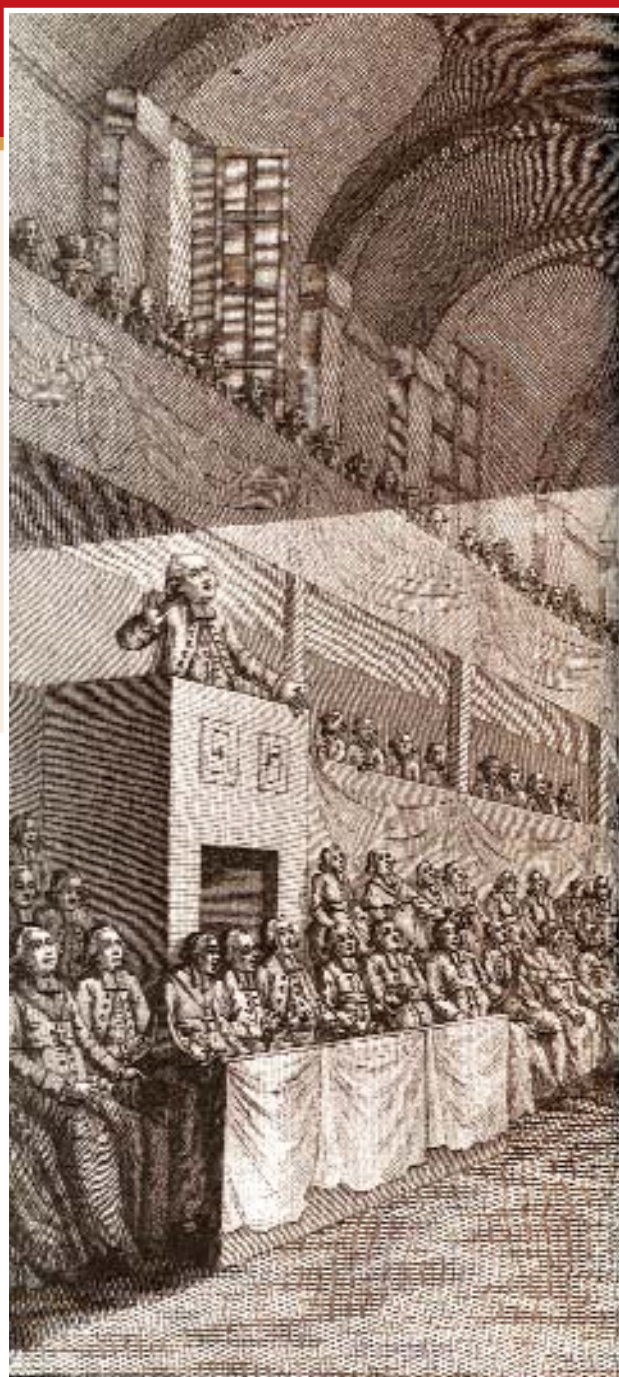


Присяга духовенства на верность Гражданской конституции в зале Учредительного собрания 28 апреля 1790 года. Гравюра XVIII в. Музей Карнавале, Париж.

Талейран еще более углубил этот разрыв, выступив с предложением превратить день взятия Бастилии в национальный праздник – в первую годовщину этого события «епископ революции» отслужил торжественную мессу на Марсовом поле, а вечером того же дня посетил два игорных дома и два раза «сорвал банк».

жил проект создания государственного банка, унификации системы мер и весов, реформы народного образования. В мемуарах он напишет: *«Для выполнения этой большой работы я обращался за указаниями к самым образованным лицам и самым видным ученым той эпохи, в которую жили Лагранж, Лавуазье, Лаплас, Монж, Кондорсе, Вик д'Азир, Лагарп, и они все помогли мне».*

В конце 1789 г. глава Дипломатического комитета Учредительного собрания граф Мирабо, несмотря на довольно сложные отношения с Талейраном, назвал его в качестве одного из кандидатов на пост министра иностранных дел, однако назначение не состоялось, – зато в феврале 1790 г. он был избран председателем Учредительного собрания. Талейран поддержал один из наиболее амбициозных революционных проектов – подчинение церкви государству – и рукоположил первого епископа, принесшего присягу специальной конституции, после чего отправил Людовику XVI прошение об отказе от епископского сана. Римский папа Пий VI отказался признать новое устройство галликанской церкви и провозгласил отлучение Талейрана. Разрыв с Римом позволил ему целиком сконцентрироваться на политической деятельности. В апреле 1791 г. после смерти Мирабо он занял его место во главе Дипломатического комитета и, таким образом, стал своего рода «парламентским министром». Талейран уже имел некоторый опыт в этой сфере, так как еще при жизни Мирабо был причастен к дипломатическим



*Cire De*  
 Mais ce sont que toutes ces choses arrivent se suivent de  
 en vous jellera dans les prisons, et vous serez traînez a  
 les gouverneurs à cause de mon nom.  
 Et cela vous servira pour rendre témoignage à la  
 14 mollez...vous donc bien dans l'esprit, que vous n'avez  
 mais aurez à répondre.  
 Vous je vous donnerai moi même des paroles et une su

контактам последнего с русским посольством в Париже. В 1792 г. состоялась первая зарубежная «командировка» Талейрана в Лондон, где он должен был обеспечить революционной Франции нейтралитет англ-



*l'Évangile*  
*vous, on vous persécutera,*  
*tant les rois de vant*  
*rité.*  
*vous préméditer ce que*  
*esse, que vos ennemis*

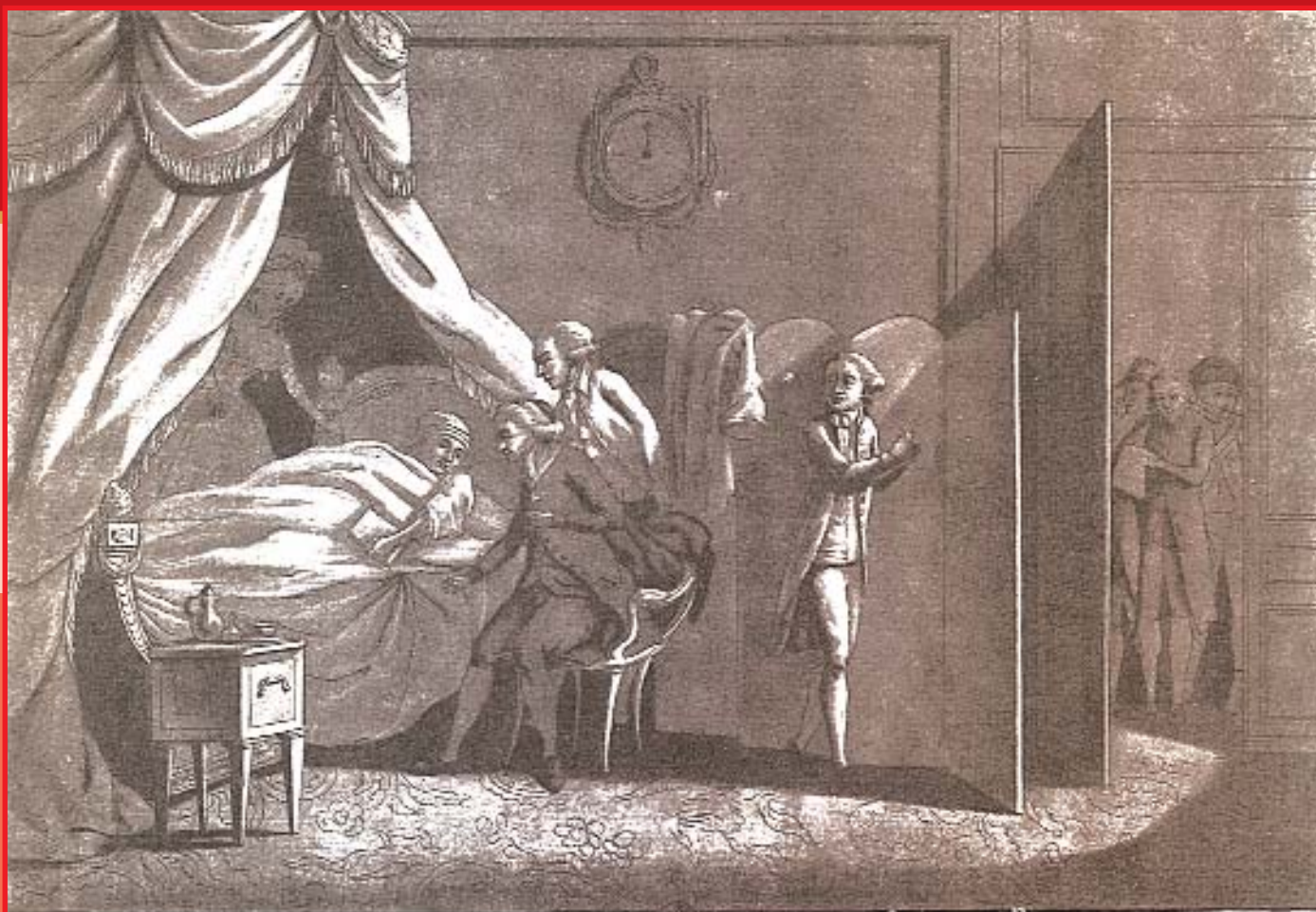


*S<sup>t</sup> Luc Chap. XXI verset 12 &*  
*ne pourront contredire et à laquelle il ne pourront résister.*  
*16 vous serez même livrés aux magistrats par vos pères et vos mères,*  
*par vos frères, par vos parents, par vos amis, et on en fera mourir*  
*plusieurs d'entre vous.*  
*17 et vous serez haïs de tout le monde, à cause de mon nom.*  
*18 mais cependant il ne séparera pas un cheveu de votre tête.*  
*19 c'est par votre persécution, que vous posséderez vos âmes.*

лийского правительства, но встретил противодействие французских эмигрантов, осевших здесь после 1789 г. 10 августа 1792 г. произошло свержение Людовика XVI, который

позже был обвинен в измене и казнен (21 января 1793 г.) В своих мемуарах Талейран пытается убедить читателей в том, что существовала возможность спасения королевской

семьи, которой не следовало идти на поводу у милитаристов из Учредительного собрания, вступивших в войну с европейскими державами, однако, тогда, в августе 1792 г., он,



*M<sup>r</sup> Mirabeau remettant à M<sup>r</sup> de Talleyrand, ci-devant Evêque d'Autun son ouvrage sur les Successions en présence de M<sup>r</sup> De la March.*

*« Je copie à votre amitié le soin de le lire à la Tribune. »*

Смерть Мирабо («Г-н Мирабо передает г-ну Талейрану, епископу Отенскому, свой труд о наследовании в присутствии г-на Де ла Марка»). Гравюра XVIII в. Национальная библиотека, Париж.

напротив, стремился обосновать перед европейским «общественным мнением» необходимость свержения короля, мотивируя этот акт тем, что он «*нечувствительно подкапывался под новую конституцию, в которой ему было отведено такое прекрасное место*». Через месяц после этого он вновь отправился в «командировку» в Англию под предлогом унификации метрической системы, с трудом раздобыв паспорт после ужесточения революционным правительством правил выезда за границу, и... стал «невозв-

Римский папа Пий VI отказался признать новое устройство галликанской церкви и провозгласил отлучение Талейрана. Разрыв с Римом позволил ему целиком сконцентрироваться на политической деятельности. В апреле 1791 г. после смерти Мирабо он занял его место во главе Дипломатического комитета и, таким образом, стал своего рода «парламентским министром».

ращенцем». Свой поступок Талейран прокомментировал следующим образом: «*...Моей истинной целью было уехать из Франции, где мне казалось бесполезным и даже опасным оставаться, но откуда я хотел уехать только с законным*

*паспортом, чтобы не закрыть себе навсегда пути к возвращению*». Талейран не говорит конкретно о причине, вынудившей его эмигрировать, но она была достаточно веской: «*дело в том, что в знаменитом «железном шкафу» короля,*

Открытие знаменитого «железного шкафа» в Тюильри. Гравюра XVIII в.

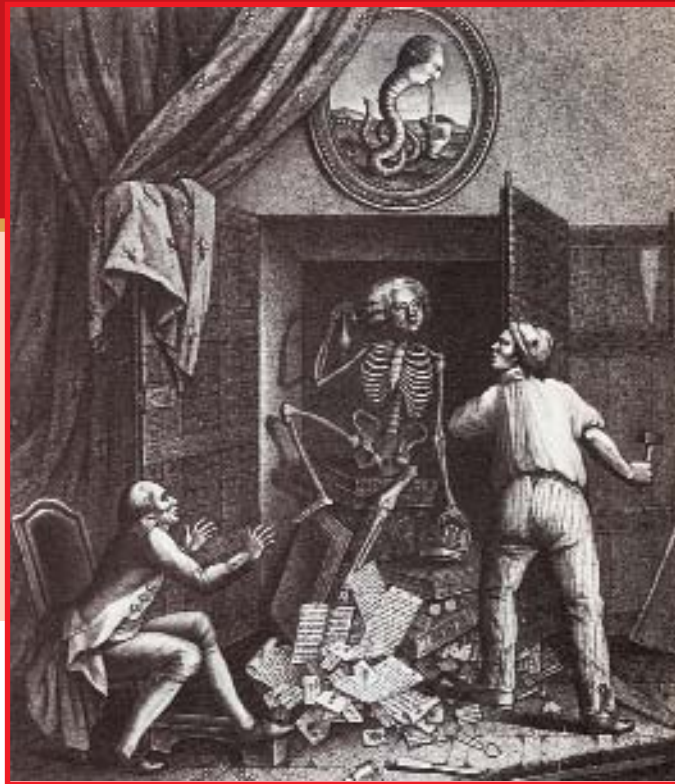
*Перед ошеломленным взглядом министра Ролана из открытого шкафа с секретными документами появляется призрак Мирабо. На овальном портрете изображен Людовик XVI в виде змеи, извергающей свой яд во фригийский колпак.*

**Внизу:**

«Талејран Невероятный». Французская карикатура конца XVIII в. Национальная библиотека, Париж.

*В 1790-х годах франтов, одевающихся чрезмерно модно, французы называли «невероятными» (Incoûtable). Характерной деталью французских денди того времени был широкий шейный платок, практически закрывающий рот. Фрак экстравагантного покроя дополнялся цветастым жилетом с широкими бортами и брюками до колен с кисточками.*

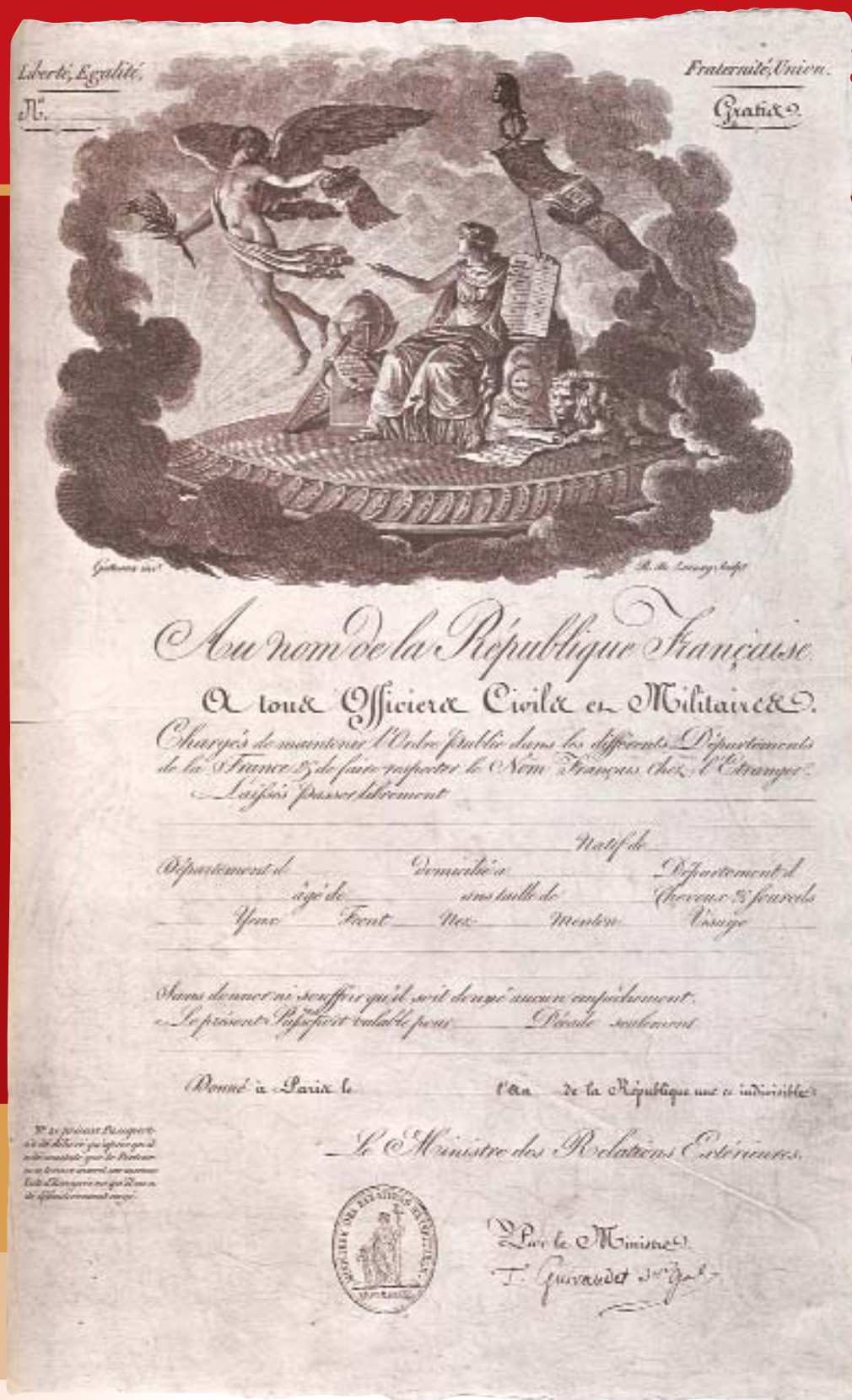
вскрытом по приказу революционного правительства, оказались два документа, доказывавшие, что еще весной 1791 г. Талејран тайно предлагал королю свои услуги...» – свидетельствует его биограф академик Е.В. Тарле. Само собой разумеется, ловкий политик пошел на такой риск не просто так, а рассчитывая заслужить «благодарность» двора, выраженную в звонкой монете, однако тем самым он дискредитировал себя в глазах революционного правительства, которое 5 декабря 1792 г. объявило Талејрана эмигрантом (его имущество было конфисковано и позднее продано с торгов).



В Лондоне он подвергся не меньшей опасности со стороны роялистских эмигрантов, которые поспешили заявить в печати, что бывший епископ Отенский за свое поведение заслужил, чтобы в случае реставрации Бурбонов его колесовали. Так как вместе с Талејраном в Лондоне оказались не только его политические противники, но и группа близко знавших его людей, то







**Слева:**  
 Бланк загранпаспорта  
 периода Французской  
 революции.

**Справа:**  
 Члены Директории.  
 Цветная гравюра XVIII в.  
 Национальная  
 библиотека, Париж.

пребывание на Туманном Альбионе было для него вполне комфортным – по его словам, он даже завел знакомства среди английской политической элиты, но в начале 1794 г. был выслан из страны по приказу короля Георга III.

Талейран отправился в Соединенные Штаты Америки, но здесь противодействие французской дипломатической миссии мешало заниматься ему политической деятельностью; из крупных политических деятелей он сумел познакомиться только с минист-



ром финансов США Александром Гамильтоном. В Новом Свете бывший епископ и революционер «переквалифицировался» и стал коммерсантом, пытаясь (впрочем, не всегда удачно) извлечь доход из различных торговых мероприятий. Тем временем во Франции пала радикальная якобинская диктатура, установленная в 1792 г., и к власти пришла умеренная буржуазия, сформировавшая новое правительство – Директорию. Была организована кампания в поддержку его реабилитации, в результате которой в 1795 г.

Так как вместе с Талейраном в Лондоне оказались не только его политические противники, но и группа близко знавших его людей, то пребывание на Туманном Альбионе было для него вполне комфортным – по его словам, он даже завел знакомства среди английской политической элиты, но в начале 1794 г. был выслан из страны по приказу короля Георга III.



Портрет Шарля Мориса Тайлерана-Перигора. Худ. Жан Франсуа Гарнере. Конец XVIII в. Музей Ламбине, Версаль.

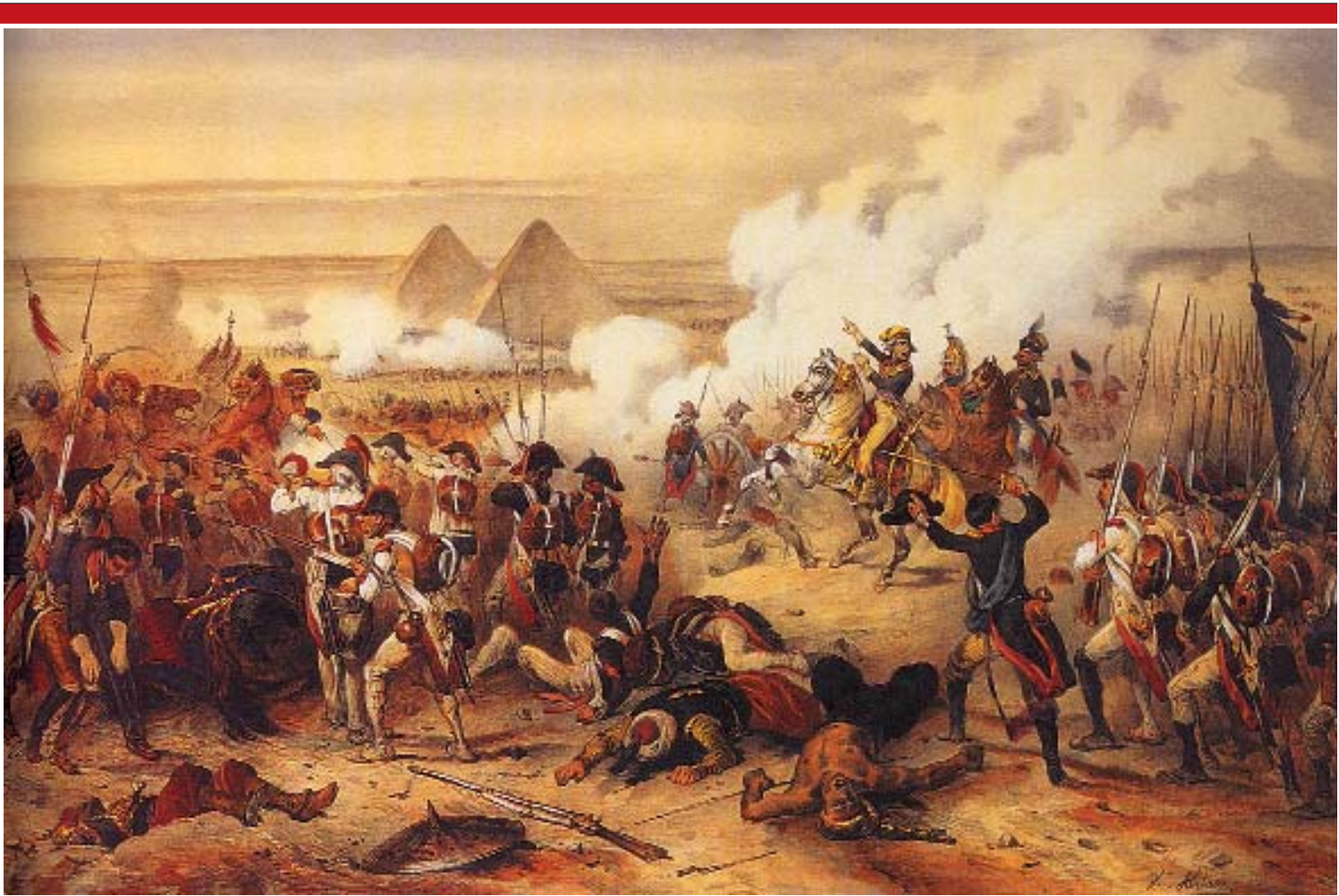
Сражение при пирамидах →  
28 июля 1798 года.

Рисунок и литография В. Адама.  
Середина XIX в.  
Государственный Исторический музей,  
Москва.

дела поступали к нему вполне решенными Директорией. Мне, как и ему, приходилось только наблюдать за их исполнением, но я часто задерживал их течение, что позволяло мне, переждав первый порыв членов Директории, смягчать редакцию. Помимо этого у меня не было других функций, кроме выдачи паспортов и виз». Талейран укрепил дисциплину в своей новой «епархии», но осуществить масштабные преобразования ему не дали. Даже при скромном с виду объеме административных функций, предприимчивый министр, чей годовой оклад на новом посту превышал сто тысяч ливров, умудрился злоупотребить предоставленными ему полномочиями в целях личного обогащения – он был одержим идеей составить себе «громадное состояние» и за два года пребывания в должности по утверждению Барраса «заработал» 13 млн. 650 тыс. франков. Наживаясь на тайнах «большой политики», в бытность министром, Талейран, как правило, торговал второстепенной информацией, создав целую агентурную сеть, которая помогала ему обогащаться самыми различными способами. Но очень скоро он оказался в центре громкого международного скандала. Осенью 1797 г. в Париже появилась неофициальная американская делегация, которая намеревалась купить на большую сумму ценные бумаги голландского займа; ее члены планировали поднести денежный «подарок» только членам Директории, однако им предложили дать 120 тысяч франков «на десерт» еще и министру внешних сношений Талейрану; в процессе

санкции в отношении Талейрана были отменены; вскоре он был избран членом Института Франции, заменившим Французскую академию. В 1796 г. Талейран вернулся на родину и развернул активную общественную деятельность; примкнув к сторонникам Директории, он открыл себе путь к министерскому портфелю, несмотря на то, что перспектива видеть его в правительстве устраивала далеко не всех. Под нажимом одной из любовниц Талейрана – Жермены де

Сталь (дочери Неккера), познакомившей его с наиболее влиятельным директором Полем Баррасом, а также других его друзей и сторонников, члены Директории в условиях очередного политического кризиса в июле 1797 г. согласились назначить его на пост главы внешнеполитического ведомства («министра внешних сношений») Французской республики. Круг своих обязанностей на этом посту Талейран описывал следующим образом: «При моем предшественнике Шарле Делакруа



переговоров сумма выросла до 250 тысяч, но американцы упирались, тогда Талейран прибег к политическому шантажу и весной 1798 г. один из американских представителей, выехав в США, предал эту историю гласности, правда, скрыв имена посредников под инициалами X. Y. Z. В итоге Франция и США, чьи отношения и так оставляли желать лучшего, оказались на пороге войны, а Талейран – на грани отставки. Тем не менее, он сохранил свой пост, постепенно сближаясь с молодым честолюбивым генералом Наполеоном Бонапартом, удачно проявившим себя в Итальянской кампании 1796-1797 гг. К тому моменту, когда Талейран встал во главе французской дипломатии, Бонапарт уже снискал известность, и министр первый вступил с ним в переписку, а позднее принял участие в его чествовании в Париже. Уже к осени 1797 г. два политика сформировали военно-дипломатический «тандем», контролировавший мирные переговоры со «Священной

Римской империей». В 1798 г. Талейран поддержал проект Египетской экспедиции Бонапарта, призванный нанести ущерб интересам Англии, достичь соглашения с которой министру так и не удалось. По договоренности с Бонапартом Талейран должен был сменить министерский пост на пост посланника в Стамбуле, чтобы обеспечивать дипломатическое прикрытие Египетской экспедиции «с близкого расстоя-

ния», но своего обещания не сдержал. В то время его больше привлекала перспектива сделаться членом Директории, однако он не смог занять ни одного вакантного места – бывшему епископу Талейрану предпочли бывшего аббата Жозефа Эммануэля Сийеса, политического идеолога «третьего сословия». К тому же Талейран разошелся с руководством республики в геополитических вопросах, не поддерживая концепцию

Наживаясь на тайнах «большой политики», в бытность министром, Талейран, как правило, торговал второстепенной информацией, создав целую агентурную сеть, которая помогала ему обогащаться самыми различными способами. Но очень скоро он оказался в центре громкого международного скандала.

Портрет Жозефа Эммануэля Сийеса.  
Гравюра Ж.-Б. Верите. Около 1792 г.  
Национальная библиотека, Париж.

«экспорта революции», которую Директория реализовывала в Италии и Швейцарии. Не сумев связать союзом с Францией ни Англию, ни Пруссию, ни Россию, он в июле 1799 г. сошел с дипломатической сцены в самый разгар формирования второй антифранцузской коалиции и падения престижа Директории внутри страны. Талейран писал: *«С Директорией произошло то, что всегда происходит с деспотами. Пока никто не мог устоять против армий, которыми она располагала, ее ненавидели, но боялись. Когда ее армии были разбиты, ее начали презирать. На нее стали нападать в газетах, памфлетах, наконец всюду. Не пощадили, конечно, и ее министров, что дало мне долгожданный случай покинуть мой пост».*

К тому моменту как в октябре 1799 г. во Францию вернулся тайно бежавший из Египта Бонапарт, Директория оказалась беззащитной перед лицом внутренних и внешних угроз. В течение предыдущих четырех лет ее репрессивные внутриполитические акции, хотя и не достигшие такого масштаба как при якобинцах, дискредитировали ее в глазах общества; для спасения положения нужен был «сильный человек»,



авторитетный военный, однако подходящей кандидатуры найти не смогли и все надежды были возложены на Сийеса, который, вместо того чтобы спасти режим Директории, постарался как можно быстрее его угробить. Замысел Сийеса разделял Баррас, но роль «могильщика» Директории была предназначена Бонапарту, который при попустительстве исполнительной власти сумел подготовить и осуществить восемнадцатого брюмера (9 ноября) 1799 г. государственный переворот, который был замаскирован под «конституционную реформу». Талейран был в курсе этих событий, выступал посредником между Бонапартом, Баррасом и Сийесом, изыскивал источники финансирования этого мероприятия, хотя на страницах мемуаров его роль выглядит более скромной. Именно Талейран в критический момент добился добровольной отставки Барраса, что окончательно похоронило Директорию, позволив придать законность насильственным действиям Бонапарта. Существует легенда, что в качестве «отступ-



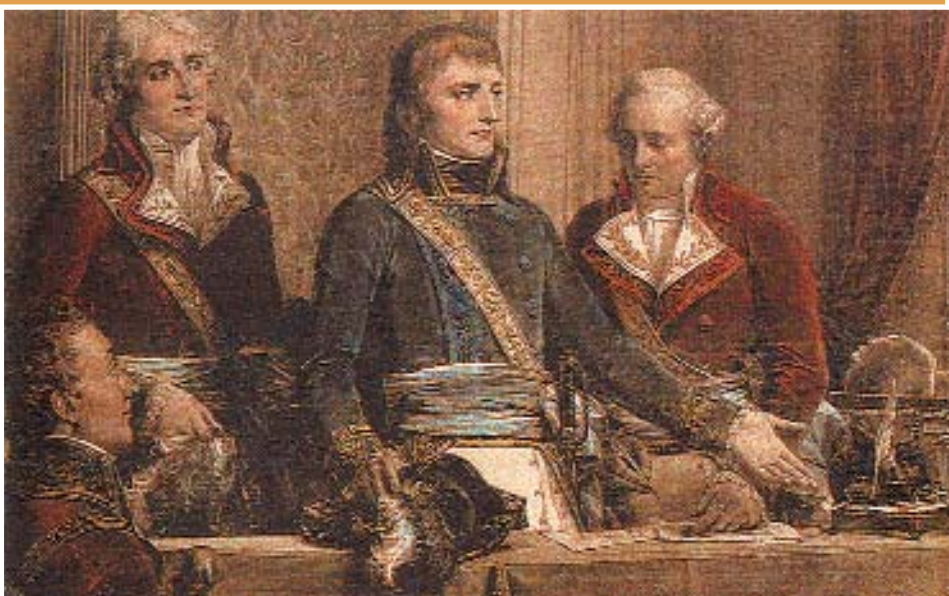
Поль Баррас, член Исполнительной Директории.  
Гравюра Ж.-Б. Компанье по рисунку Ф. Бонневилля.



День 18 брюмера в Сен-Клу.  
Гравюра И.-С. Элмана по рисунку  
Ш. Монне.  
Национальная библиотека, Париж.

В качестве награды за участие в заговоре, 22 ноября 1799 г. Талейран вновь получил назначение во внешнеполитическое ведомство – при новом режиме, Консулате, во главе которого встал Наполеон, оно стало называться Министерством иностранных дел.

ных» от директорского кресла Талейран должен был передать Баррасу то ли один, то ли три миллиона франков, но «забыл» это сделать. В качестве награды за участие в заговоре, 22 ноября 1799 г. Талейран вновь получил назначение во внешнеполитическое ведомство – при новом режиме, Консулате, во главе которого встал Наполеон, оно стало называться Министерством иностранных дел. С именем Наполеона на ближайшие четырнадцать лет оказалась связана дальнейшая политическая карьера Талейрана. *«Чтобы дать власти первого консула еще больше силы, – писал Талейран,*



Второй консул Камбасерес, первый консул Бонапарт и третий консул Лебрен. Литография XIX в.  
Фрагмент картины Огюста Куде «Учреждение Государственного совета в Малом Люксембургском дворце 25 декабря 1799 года».



Назначение Талейрана министром внешних сношений («От имени французского народа Бонапарт, первый консул Республики, назначает гражданина Талейрана министром внешних сношений временного правительства...»)

Париж, 25 декабря 1799 года. Гравюра Б. Роже по рисунку Ж.-К. Нежона старшего.

Министр внешних сношений князь Талейран. ➔  
Рисунок Никола Андре Монсио.

— я сделал в самый день его введения в должность предложение, с готовностью принятое им. Все три консула должны были ежедневно собираться с тем, чтобы все министры отдавали им отчет в подведомственных им делах. Я сказал генералу Бонапарту, что портфель иностранных дел, секретных по самой своей природе, нельзя открывать в совете и что ему следует оставить только за собой рассмотрение иностранных дел, которые должен направлять и решать сам глава правительства. Он понял пользу этого указания, а так как в момент организации нового правительства все вопросы решаются проще, чем впоследствии, то сразу было установлено, что я буду иметь дело только с первым консулом».

С одной стороны, Талейран укреплял международное положение консулата, с другой — не остался в стороне от интриг, которые уже летом 1800 г. начали плести против находившегося во второй итальянской кампании Бонапарта члены правительства. На первый раз дело ограничилось только политическими дискуссиями и до открытого выступления не дошло, отчего за недовольными закрепилось название «болтливой оппозиции». Впрочем, первое время он и не имел оснований желать свержения нового режима и по-прежнему ловко наживался на дипломатических акциях. Во время мирных переговоров с Австрией, завершивших удачную для республики кампанию 1800 г., он получил триста тысяч франков от Наполеона и четыреста тысяч от импера-





Покупка Луизианы (Наполеоновский министр внешних сношений Талейран обсуждает с американцами Джеймсом Монро и Робертом Ливингстоном последние детали соглашения по продаже Луизианы 30 апреля 1803 года). Неизвестный художник XIX в.

тора Франца II, а общая сумма «выручки», полученной только при заключении Люневильского мирного договора в 1801 г., по подсчетам Е.В. Тарле составила около 15 млн. франков. Есть предположение, что министр иностранных дел не остался в накладе и при продаже США полученной от испанского правительства в обмен на Тоскану провинции Луизианы, которая была осуществлена весной 1803 г., вскоре после того, как французскому правительству удалось урегулировать отношения, испорченные аферой 1798 г. Писатель, публицист и политический деятель Франсуа Рене де Шатобриан, занимавший в 1803-1804 гг. пост первого секретаря французского посольства в Риме, позднее писал о Талейране: «Я обедал у него: он остался в моей памяти таким, каким предстал мне впервые. Впрочем, его прекрасные манеры несколько не походили на манеры его



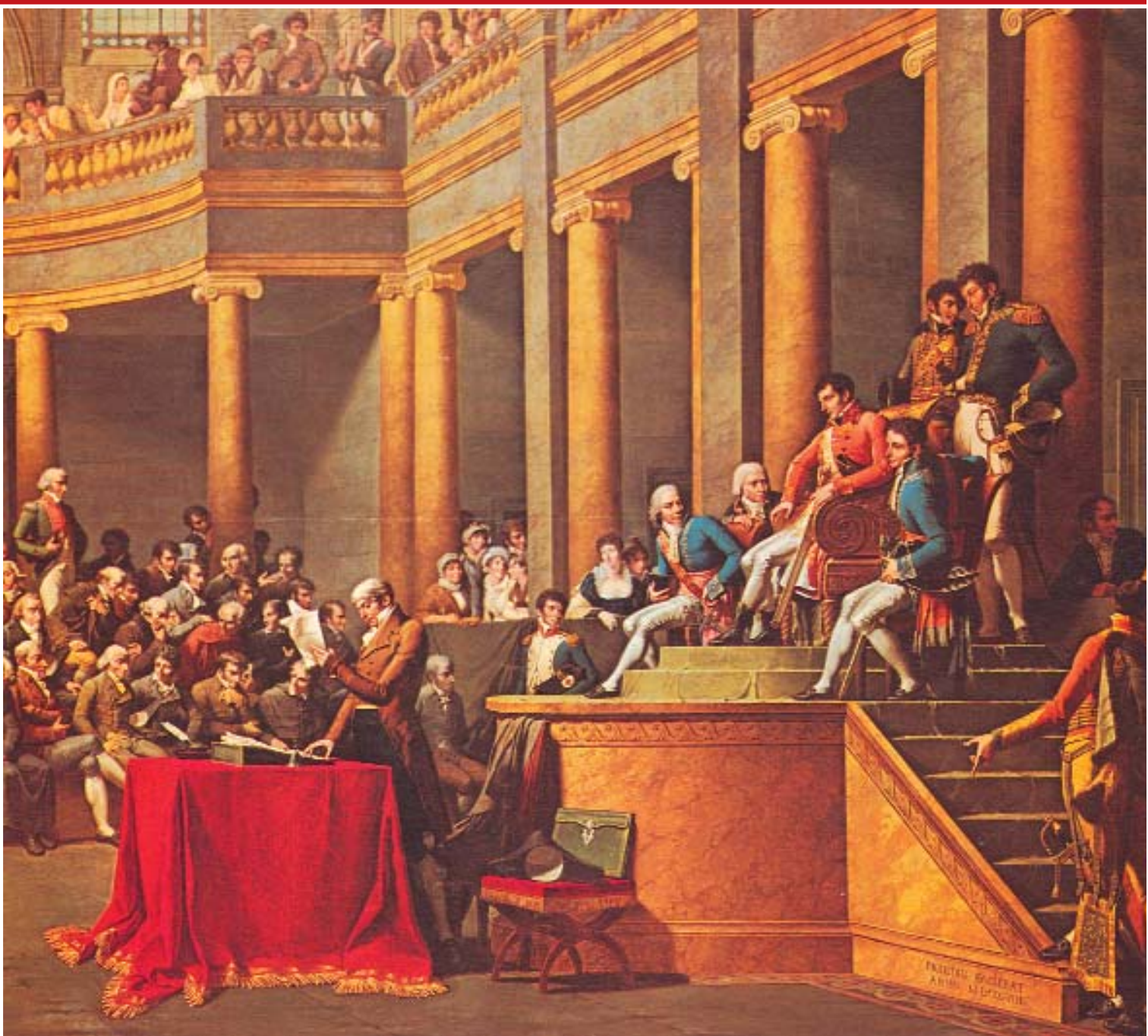
*подлого окружения; его мощничество было преисполнено непостижимой важности...»*

С приходом к власти Бонапарта на пороге XIX столетия внешнеполитическое положение Французской республики стало более устойчивым. В 1800 г. были налажены контакты с русским правительством, однако проект заключения союза против Англии остался не реализованным вследствие траги-

ческой гибели императора Павла I 11 марта 1801 г. – его преемник Александр I был менее расположен к режиму Наполеона, поэтому русско-французское соглашение, которое к тому моменту было уже подготовлено, состоялось только в конце 1801 г. В марте 1802 г. Талейран добился большого политического успеха, к которому стремился с тех пор как встал во главе французской дипломатии – подписания мирного договора с Великобританией. По Амьенскому миру, который при содействии Талейрана подписал старший брат Наполеона Жозеф Бонапарт, островное королевство признавало Французскую республику и созданные ею республиканские государства-сателлиты в Голландии, Швейцарии и Италии. Однако этот мир, не удовлетворявший обе стороны, оказался недолговечным – идея франко-британского сближения, над реализацией которой трудился Талейран, потерпела крах. Давая оценку этим событиям в своих мемуарах, он возлагает ответственность за неудачу своего внешнеполитического курса на Пер-



Заключение Амьенского мира 25 марта 1802 года. Гравюра XIX в.



вого консула: «Едва был заключен Амьенский мир, как умеренность начала покидать Бонапарта; мир этот не получил еще полного осуществления, а он начал уже бросать семена новых войн, которые, разорив Европу и Францию, должны были привести его самого к гибели.

**Вверху:** Совет Цезальпинской республики провозглашает первого консула Наполеона Бонапарта своим президентом 26 января 1802 года. Худ. Никола Андре Монсио. 1808 г. Национальный музей Версальский дворец.

*Ш.-М.Талейран (в голубом камзоле) сидит по правую руку от Наполеона.*

Формально денонсация Амьенского мира в мае 1803 г. исходила именно от Первого консула, который заявил на приеме дипломатического корпуса в присутствии английского посла Уинтворта: «Англичане желают войны, но если они первые обнажат меч, я последним вложу его в ножны» и добавил: «Англия не уважает договоров – ну что же! завесим их черным покрывалом...»



Более успешной была итальянская политика Талейрана. В 1803 г. он подготовил избрание Наполеона президентом Цизальпинской (Итальянской) республики, а также способствовал урегулированию отношений Французской республики с папством.

Конкордат, подписанный между папским престолом и Французской республикой. 1801 г.

Библиотека Ватикана, Рим.

Подписание конкордата. ➔  
Раскрашенная гравюра XVIII в.  
Музей Карнавале, Париж.

№1 – Жозеф Бонапарт, №2 – кардинал Консальви, №3 – архиепископ Спина, №4 – Крете, №5 – аббат Бернье, №6 – Казелли.

*Пьемонт должен был быть возвращен королю Сардинии немедленно после заключения Люневильского мира: он лишь временно находился в руках Франции. Возвращение его было бы одновременно актом бесспорной справедливости и проявлением весьма мудрой политики. Бонапарт же, наоборот, присоединил его к Франции. Я делал напрасные усилия, чтобы отклонить его от этого шага. Он считал, что это в его личных интересах, ему каза-*

*лось, что этого требует его самолюбие, и оно взяло перевес над всеми соображениями осторожности...*

*Английское правительство, заключившее мир только по необходимости, справилось с внутренними осложнениями, которые сделали для него этот мир почти неизбежным, но не возвратило еще Мальты; желая сохранить ее, оно воспользовалось случаем, который представило ему присоединение Пьемонта к Франции, и возобновило*

*военные действия...»* Разумеется, Талейрану было легко переключать задним числом всю ответственность на Наполеона; в данном случае мы имеем дело с ретроспективно сложившейся концепцией, однако, нет сомнений в том, что формально денонсация Амьенского мира в мае 1803 г. исходила именно от Первого консула, который заявил на приеме дипломатического корпуса в присутствии английского посла Уинтворта: «Англичане жела-



ют войны, но если они первые обнажат меч, я последним вложу его в ножны» и добавил: «Англия не уважает договоров – ну что же! завесим их черным покрывалом...» Впрочем, до немедленного откры-

тия военных действий дело не дошло – вместо этого на протяжении двух лет (вплоть до Трафальгарской битвы 1805 г.) англо-французское противостояние, как удачно выразился историк А.З. Манфред, напоминало

«поединок льва и кита»: «Франция не имела флота, чтобы поразить Англию на море. Британия не имела армии, чтобы одолеть Францию на суше. Один на один они оставались недостижимы друг для друга».



← Портрет мадам Грант. Худ. Элизабет Виже-Лебрен. 1783 г. Музей Метрополитен, Нью-Йорк.

Картина Нозлла Ворле (1762-1834 гг.) родилась в семье французского офицера в колониальных владениях в Индии. В 16 лет в Калькутте она вышла замуж за британского чиновника Джорджа Френсиса Гранта. После короткого, но весьма скандального, романа с политиком сэром Филиппом Френсисом (прославившимся ожесточенной критикой первого генерал-губернатора Индии Уоррена Гастингса), семейная жизнь мадам Грант дала трещину, и она уехала в Париж. К моменту написания портрета Виже-Лебрен мадам Грант уже стала одной из самых известных куртизанок Парижа. В 1789 году, чудом избежав гибели во время резни на улицах Парижа, она бежала в Англию. После падения Робеспьера, несмотря на то, что ее имя фигурировало в списке эмигрантов, мадам Грант вернулась во Францию вместе со своим любовником, генуэзцем М. Спинола. Оба были сразу же арестованы, Спинола депортирован, а мадам Грант отпущена, но осталась под надзором полиции. Во время Директории она была заключена в тюрьму по обвинению в шпионаже. Очарованный ею Ш.-М. Талейран обратился за помощью к Баррасу: «Она долго жила в Индии, очень красивая, очень ленивая, самая пустая женщина, какую я только знал. От ее имени я прошу Вас проявить интерес к ее делу». Позднее и художница Виже-Лебрен отмечала скудные умственные способности этой красивой женщины: «...мадам Талейран была не слишком умной, но ума ее второго мужа с лихвой хватало на двоих». В статусе любовницы Талейрана мадам Грант прожила в официальной резиденции министра до 1802 года, когда они вынуждены были покинуть Париж по настоянию Наполеона. После регистрации отношений пара довольно быстро разошлась, хотя Катрин продолжала выполнять обязанности жены министра. От прежней страсти Талейрана остались одни угли, к тому же Катрин сильно растолстела, что не добавляло ей привлекательности. Такая ситуация продолжалась до тех пор, пока Талейран не отправился на Венский конгресс в сопровождении герцогини Курляндской и ее дочери. Возмущенная откровенным пренебрежением, мадам Талейран уехала в Лондон, а затем перебралась в Брюссель. Денег, которые выплачивал ей муж, вполне хватало на роскошную жизнь. В последние годы жизни Катрин Талейран-Перигор, княгиня Бенеventская провела в Париже, где и скончалась 10 декабря 1834 года.

Более успешной была итальянская политика Талейрана. В 1803 г. он подготовил избрание Наполеона президентом Цизальпинской (Итальянской) республики, а также способствовал урегулированию отношений Французской республики с папством. В мемуарах Талейран писал об этом так: «Со времени битвы при Маренго (в 1800 г. – Д.Б.) между Наполеоном и римским двором завязались тайные сношения. Он имел в Милане несколько совещаний с посланником папы Пия VII, избранного в Венеции преемником Пия VI; совещания эти послужили отправным пунктом конкордата, подписанного позднее в Париже кардиналом Консальви. Это соглашение и его немедленная ратификация прими-

Мадам Талейран, при Директории сидевшая в тюрьме по обвинению в шпионаже, быстро освоила «бизнес» мужа – она за деньги оказывала политическую протекцию, торговала политическими секретами, к ее услугам прибегали финансисты, иностранные дипломаты и аристократы; не будет преувеличением сказать, что чета Талейранов открыла своего рода «семейную фирму».

рили Францию с папским престолом; оно встретило оппозицию только со стороны некоторых военных, весьма честных, впрочем,

людей, ум которых не мог, однако, возвыситься до такого рода понятий. После этого великого примирения с церковью, которому я в сильней-

Портрет Анны Шарлотты Доротей, герцогини Курляндской. Худ. Марчелло Баччарелли. XVIII в.

Анна Шарлотта Доротей, урожденная графиня фон Медем, в браке герцогиня Курляндская (1761-1821 гг.) происходила из старого курляндского дворянского рода. Одним из ее предков был Конрад фон Медем, гроссмейстер Ливонского ордена, основавший замок в Митаве. Ее сестра Элиза (в замужестве баронесса фон дер Режке) стала известной писательницей и поэтессой. Слава о прекрасных сестрах фон Медем шла по всей Курляндии, их называли «прекрасная Доротей и умная Элиза». 6 ноября 1779 года Доротей фон Медем стала третьей женой Петра фон Бирона, герцога Курляндского и Земгальского. Благодаря своей красоте и родословной Доротей была вхожа в высшие круги европейского дворянства, поэтому муж часто посылал ее с различными «дипломатическими миссиями» в Варшаву, Берлин, Карловы Вары и Санкт-Петербург. К 1790-м годам отношения между супругами разладились, и герцогиня переехала в Курляндский дворец в Берлине, где держала аристократический салон. Вскоре новым «приблизителем муз герцогини Курляндской» стало ее имение Лёбихау в Альтенбурге. Примерно в те же годы герцогиня Курляндская становится любовницей Талейрана, под влиянием которого портятся ее отношения с Наполеоном. Во время Венского конгресса она вместе с дочерью живет в доме Талейрана. Вскоре место герцогини Курляндской около Талейрана занимает ее младшая дочь Доротей. Похожая история произошла чуть раньше, в 1800 году, когда старшая дочь Вильгельмина, герцогиня Саян влюбилась в тогдашнего любовника своей матери шведского генерала Густава Армфельта и даже родила от него дочь. Интересно, что в 1813 году у Вильгельмины Саян начался роман с Клеменсом фон Меттернихом, многолетним политическим союзником Талейрана. Анна, герцогиня Курляндская умерла в 1821 году в своем имении Лёбихау. Впоследствии ее прах был перенесен в фамильный склеп в замке Саян.





Портрет Доротеи фон Бирон, будущей герцогини Дино. Неизвестный художник. Около 1810 г. Замок Валансе.

Доротея фон Бирон, герцогиня Дино (1793-1862 гг.), младшая дочь курляндского герцога Петра фон Бирона и его третьей жены Анны Доротеи фон Медем, герцогини Курляндской (настоящим отцом Доротеи, скорее всего, был польский граф Александр Батовский). Ш.-М. Талейран, любовник ее матери, искал для своего племянника богатую и титулованную невесту, и с одобрения Наполеона в 1809 году организовал брак Доротеи и Эдмона Талейран-Перигора (1787-1872 гг.) Брак не был счастливым, что, правда, не помешало появлению троих детей (правда, дочь Доротея умерла в возрасте 2 лет). Во время Венского конгресса Доротея начинает играть большую роль в жизни Ш.-М. Талейрана, предполагают, что примерно в 1815 году он делает ее своей любовницей и негласной хозяйкой дома. 31 августа 1817 года Талейран получает от Людовика XVIII титул герцога и пэра Франции, а 2 декабря от короля Обеих Сицилий Фердинанда I – герцогство Дино (в Калабрии). Титул герцога Дино Талейран сразу же передает своему племяннику, поэтому Доротея становится герцогиней Дино. 24 марта 1818 года герцог и герцогиня Дино приняли решение о раздельном проживании, хотя официальный развод был оформлен только 6 ноября 1824 года. 3 июля 1820 года Талейран вместе с герцогиней Дино уезжает из Парижа в Валансе. 29 декабря Доротея родила дочь Полину, отцом которой считается Ш.-М. Талейран. Дальнейшая личная жизнь герцогини Дино была столь же бурной. Она имела репутацию роковой женщины и родила еще трех незаконных дочерей от разных любовников. Одна из ее дочерей впоследствии стала известной чешской писательницей Боженой Немцовой (1820-1862 гг.) Доротея, герцогиня Дино жила с Талейраном в Лондоне, куда он был направлен в качестве посла. После его смерти она переехала в замок Саган в Нижней Силезии, где и скончалась 19 сентября 1862 года.

шей степени способствовал, Бонапарт получил от папы послание касательно моего перехода в светское состояние. Послание это датировано в римском Святом Петре 29 июня 1802 года. Мне думается, что снисходительность ко мне Пия VII – добавлял политик, – лучше всего выразилась в словах, сказанных им

однажды кардиналу Консальви: «Господин Талейран! да! да! Да пребудет его душа с богом, я его очень люблю!» Однако, создавая столь благожелательную картину, Талейран умалчивает о некоторых весьма существенных деталях. Положение министра-епископа оказывалось двойственным, поскольку вот

уже на протяжении десяти лет он был отлучен от церкви, но не лишен сана священника и с введением Конкордата 1801 г., продолжая формально принадлежать к католическому духовенству, невольно оказывался в зависимости от папы римского. К тому же Наполеон стал настаивать на том, чтобы Талейран либо узаконил отношения со своей очередной любовницей Катрин Гран, либо прогнал ее, так как ее полуофициальное положение дискредитировало министра в дипломатических кругах. Однако брак епископа противоречил канонам католической церкви, а папа (вопреки заверениям Талейрана!) упорно отказывался лишить его духовного звания и дать разрешение на брак; вышеупомянутое послание позволяло ему лишь вести светский образ жизни и заниматься политической деятельностью (то есть тем, чем Талейран спокойно занимался и без папского разрешения!) Тогда в Париже решили воспользоваться этим обстоятельством и довести дело до конца в одностороннем порядке – 20 августа 1802 г., якобы на основании папско-

Настояв на устранении герцога, министр окончательно (как он тогда полагал), разорвал связь со «Старым режимом». Это обстоятельство поставило министра в крайне щекотливое положение после Реставрации Бурбонов, когда обвинения в адрес Талейрана стал выдвигать генерал Савари, но мастер интриги не преминул создать легенду о том, какие усилия он тайно прилагал, чтобы спасти герцога, и позаботился, чтобы она дошла до ушей принца Конде.

Портрет Полины Талейран-Перигор.  
Худ. Клод Мари Поль Дюбюф. 1840 г.  
Замок Рошекотт.

*Жозефина Полина Талейран-Перигор (1820-1890 гг.) официально считалась дочерью Эдмона Талейрана-Перигора, но его всевластный дядя с самого рождения выказывал к девочке необычайную привязанность, называя «домашним ангелом», поэтому практически никто не сомневался в истинном отцовстве. В 1839 году Полина вышла замуж за Анри де Кастеллана, старшего сына маршала Кастеллана. Овдовев в 1847 году, остаток жизни она провела в замке Рошекотт, который получила в подарок от своей матери.*

го послания, консулы Французской республики Бонапарт, Камбасерès и Лебрен объявили о переходе Талейрана в «гражданское состояние»; через три недели состоялись гражданская, а затем и церковная церемония бракосочетания, о чем Пий VII, направляя документы Талейрану, не мог даже помыслить. Мадам Талейран, при Директории сидевшая в тюрьме по обвинению в шпионаже, быстро освоила «бизнес» мужа – она за деньги оказывала политическую протекцию, торговала политическими секретами, к ее услугам прибегали финансисты, иностранные дипломаты и аристократы, так что не будет преувеличением сказать, что чета Талейранов открыла своего рода «семейную фирму». Правда, эта алчная и честолюбивая особа обладала скверным характером, так что умудрилась поссориться с Наполеоном – доступ ко двору оказался для нее закрыт. В конце концов, ее брак с Талейраном распался. Вокруг министра появлялись другие женщины. Некоторое время он поддерживал отношения с герцогиней Курляндской, а с 1814 г. с ее дочерью Доротеей (герцогиней Дино), вышедшей замуж за племянника князя, но позднее расставшейся с ним. Согласно легенде, одним из внебрачных сыновей министра был известный французский художник XIX в. Эжен Делакруа.

Весной 1804 г. Талейран оказался в центре громкого скандала, связанного с похищением и казнью герцога Луи Антуана Анри Энгийенского –



представителя ветви Бурбонов-Конде, который был обвинен в причастности к подготовке заговора против Бонапарта, организатором которого стал один из лидеров роялистов Жорж Кадудаль при содействии опального революционного генерала Шарля Пишегрю. Министр организовал дипломатическое прикрытие акции, в результате которой герцог был арестован французскими жандармами на территории Бадена и вывезен во Францию, где военный трибунал, собравшийся в Венсенском замке, приговорил ни в чем не повинного аристократа к расстрелу (21 марта 1804 г.) Перед казнью герцог направил Наполеону прошение о помиловании, но оно было задержано и попало в руки

адресата лишь через два дня после казни. Настояв на устранении герцога, министр не только превратил его казнь в акцию устрашения роялистов, но и окончательно (как он тогда полагал), разорвал связь со «Старым режимом». Это обстоятельство поставило министра в крайне щекотливое положение после Реставрации Бурбонов в 1814 г., когда обвинения в адрес Талейрана стал выдвигать другой руководитель этого «показательного процесса» – генерал Савари, но мастер интриги не преминул создать легенду о том, какие усилия он тайно прилагал, чтобы спасти герцога от расстрела и позаботился, чтобы она дошла до ушей принца Конде. Но это произошло много позже, а в 1804 г. Талейран





Матиньонский дворец в Париже. Современный вид.

Коронация →

императора Наполеона I и императрицы Жозефины в соборе Парижской Богоматери 2 декабря 1804 года. Фрагмент. Худ. Жак-Луи Давид. 1805-1807 гг. Лувр, Париж.

*В нижнем правом углу картины изображен Ш.-М. Талейран. Его легко можно узнать по характерному профилю и красной мантии парадного костюма «великого камергера».*

получил в награду за проявленные им усилия в разоблачении «заговора герцога Энгиенского» орден Почетного легиона. Уже для современников вина Талейрана являлась очевидной, – например, Шатобриан писал: «...Опираясь на то, что сказал Наполеон на Святой Елене и то, что, вероятно, излагал в своих письмах епископ Отенский, можно было бы доказать, что вина господина де Талейрана велика; однако не стоит выходить за рамки достоверности. Трудно отрицать, что господин де Талейран подвиг Бонапарта на роковой арест, вопреки советам Камбасереса. Но также трудно допустить, что он предвидел результат своих действий...» Этот акт привел к масштаб-

ным политическим последствиям, с одной стороны, способствовавшим формированию третьей антифранцузской коалиции европейских держав, а с другой – ускорившим трансформацию Консулата в империю, которая была провозглашена 18 мая в соответствии с постановлением Сената и результатами проведенного на его основании плебисцита. 2 декабря 1804 г. в соборе Парижской Богоматери в присутствии папы Пия VII (переговоры с которым вел, разумеется, министр иностранных дел) состоялась торжественная коронация Наполеона I. В специальном циркуляре человек, когда-то возвестивший миру о свержении Бурбонов, теперь писал, что «помазание и коронование его импера-

торского величества окончило революцию». Талейран занял одно из ключевых мест при императорском дворе, получив звание «великого камергера». Талейран вел образ жизни, соответствующий его положению: он стал крупным землевладельцем, приобрел несколько особняков, Матиньонский дворец в Париже (сейчас это резиденция премьер-министров Французской Республики), роскошный замок в Валансе (причем, ухитрился купить его в основном за государственный счет как место для проведения дипломатических приемов). Биограф Талейрана, известный публицист середины XIX в. Шарль Огюстен де Сент-Бёв, описал такой диалог: «Как же так, Талейран, положи руку на сердце, сколько вы нажили за счет меня?» – однажды сказал ему в хорошем расположении духа Наполеон. На другой день, находясь в еще более прекрасном настроении, он продолжал: «Господин Талейран, скажите, что вы сделали для того, чтобы стать таким богатым?» «Сир, средство было очень простое – ответил Талейран: – я купил акции государственной ренты накануне 18-го брюмера и продал их на следующий день». Сент-Бёв резюмировал: «Лис со свойственным ему умением изворачиваться, вырвался из когтей льва».

«... «Как же так, Талейран, положи руку на сердце, сколько вы нажили за счет меня?» – однажды сказал ему в хорошем расположении духа Наполеон. На другой день, находясь в еще более прекрасном настроении, он продолжал: «Господин Талейран, скажите, что вы сделали для того, чтобы стать таким богатым?» «Сир, средство было очень простое» – ответил Талейран...»

